

**С.И.Рудаков**

## **КРИЗИС СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО**

Кризис советского марксистского обществоведения имеет тот же общий характер буржуазной Реставрации, что и кризис самого общества, и выражается в реставрации буржуазного мышления. В чем состоит мировоззренческая Реставрация? В политэкономии - это отрицание внутренних объективных законов экономического развития, теории стоимости и прибавочной стоимости К.Маркса, превознесение теории полезности и позитивистского учения о единстве нормативной и позитивной экономики, В философии - отказ от диалектики и материализма и отстаивание либо позитивистского псевдообъективного взгляда на мир, представляющего собой, как показали еще классики, по сути тот же субъективный идеализм; либо варианты иррационалистической философии, расплодившиеся настолько же многочисленно, насколько и бесплодно с точки зрения перспектив развития философии. Плюрализм нынешнего философского видения сродни рыночному плюрализму, когда за многоцветьем торговых лавок скрываются разрушающаяся экономика и подорванные социальные основы общества. Точно также за красочностью и экзотикой нахлынувших теорий, концепций, учений скрывается совершенная убогость рационального начала философии, что свидетельствует об умирании ее как теоретической дисциплины. Как своеобразная реакция на односторонний логицизм, записывавший с гегельянствам, такое философствование, может быть, и имеет право на существование, но не более того. Отказ философии в научности есть фактически другая сторона ее абсолютизации,

Наконец, в социально-политической науке реставраторы-анти-марксисты замахнулись ни много ни мало на ревизию Октябрьской революции, всего опыта социалистического строительства в СССР и во всей мировой социалистической системе. Отвергнуты краеугольные камни марксистского учения, какими являются учение о классах, классовой природе государства и диктатуре пролетариата. Основой мелкобуржуазной ревизии и открытого буржуазного отбрасывания марксизма стал возврат к идеалистическому пониманию истории. Трудно представить, чтобы сегодня серьезными учеными перечеркивалось значение эволюционной теории происхождения видов Ч.Дарвина или теории относительности

А.Эйнштейна. Однако, по словам В.И.Ленина, если бы аксиомы математики затрагивали материальные интересы людей, они наверняка бы опровергались. Как раз такое и происходит с отечественным обществоведением.

Почему случился такой страшный кризис? Это центральный вопрос и для теоретиков, и для практиков. В проекте Программы КП РФ прямо констатировалось, что пока отсутствует единая концепция, которая давала бы целостное объяснение происшедшему.<sup>1</sup> Вместе с тем все очевиднее становится главное обстоятельство: при всей продажности номенклатуры, предательстве верхушки и ее коррумпированности, на этапе раннего социализма, каким было наше общество с 1917 по 1991 г., и в его практике, и в его идеологии были существенные изъяны, которые при определенных условиях способствовали духовному перерождению вчерашних адептов марксизма-ленинизма.

Социализм, строившийся долгие годы в громадной крестьянской стране на неадекватной ему технической базе с громадной долей ручного труда, породил своеобразный феномен советского марксизма, который все эти годы отличался пережитками и рецидивами домарксистского мышления. Следует подробнее остановиться на данном вопросе, поскольку, не уяснив его, нельзя увидеть перспективы развития марксизма в России и возрождения социалистической направленности развития общества.

Спецификой советского диалектического материализма была своеобразная интерпретация единства материализма и диалектики, которая допускала при этом чрезмерное сближение метода К.Маркса с его предшественниками. Даже внешняя сторона дискуссий в советской философской литературе, когда Э.В.Ильенков упрекал И.С.Нарского в уступках кантианству, а тот его - в заигрывании с гегельянством, весьма показательна в этом отношении. Более того, систематическое исследование логики развития советской диалектики обнаруживает удивительную законо-

<sup>1</sup> В результате принятия Съездом КП РФ варианта Программы, существенно отличного от подготовленного Программной комиссией, среди прочих важных положений (о раннем социализме, о буржуазной контрреволюции) оказалась опущенной и данная констатация. - *прим. ред.*

мерность.<sup>2</sup> Последовательность философских школ за эти 70 лет имеет много общего с логикой мысли XVII - середины XIX вв. От плюралистического механицизма к диалектическому плюрализму и затем плюралистическому антропологизму - таков самый ранний этап и советской и буржуазной философской классики. Идеи В.И.Сарабьянова, В.Ф.Асмуса, А.М.Деборина, Н.И.Бухарина и других авторов стали определенной исторической параллелью учений Гоббса, Р.Декарта, Лейбница, Гассенди. При всей близости этих двух исторических линий, каждая из них представляет собой становление совершенно разных типов философского мышления. Одна олицетворяет восхождение классической буржуазной философии, другая связана со становлением массового марксистского общественного сознания в современных условиях громадной страны.

Плюралистическая стадия мышления сменилась выработкой монистического взгляда на природу. Классический метафизический материализм пришел на смену гносеологической робинзонаде XVII века. Аналогично и советская (философия с конца 30-х годов сделала шаг вперед в направлении целостности и монистичности интерпретации диалектического материализма. При этом акцент также сместился на проблематику философского материализма. К сожалению, даже среди авторов, сохранивших свою открытую приверженность марксизму, можно наблюдать недооценку сталинского периода в философии. Между тем критика А.М.Деборина философами, выдвинувшимися в 30-е годы (М.Б.Митин, Ф.В.Константинов и др.), в том числе и за упрощенное толкование марксизма как синтеза гегелевской диалектики с материалистическим пониманием природы и истории,<sup>3</sup> была во многом справедлива. Без такого методологического пересмотра позиций в сторону философского монизма не было бы и сталинского курса на качественное укрепление общественного сектора во всех отраслях экономики, служившего основой становления нового социально-экономического строя.

<sup>2</sup> См., в частности, Рудаков С.И. Долгая дорога к Марксу. Воронеж, 1993; его же: Проблема противоречия в советской философской литературе (60 - 80-е гг.). Дисс... канд. филос. наук., М., 1986.

<sup>3</sup> См., например, Митин М.Б. Боевые вопросы материалистической диалектики. М., 1936. С. 64.

Последующая эволюция философской теории выявила серьезную упрощенность и незрелость материалистического монизма. На смену французскому материализму пришли Юм, И.Кант, Беркли. На смену советскому материализму пришла философия антиномий И.С.Нарского. Сложность социальной практики, расхождение между планами и делами выявляли антиномичность мировоззрения и обуславливали отход от метафизического монизма. В основе такого отхода неявно лежали намечающиеся внутренние противоречия, присущие зарождающимся новым социальным системам. До их выявления, однако, было еще далеко. Тем не менее, следующий этап в развитии монистического миропонимания был связан именно с диалектикой. Ильенковское направление в советской философии в противоположность "материалистам-метафизикам" 30 - 50-х гг. стало сближать философию марксизма с гегелевским тождеством бытия и мышления.

Абстрактный универсальный логицизм советских "гегельянцев" привел в итоге к своей противоположности - к отказу от диалектической логики и иррационалистическим веяниям в философии,

Логика развития советской философии позволяет сделать несколько принципиальных выводов, без которых нельзя надеяться на выход из кризиса. Прежде всего следует признать, что эволюция советской философской мысли представляет собой закономерный целостный процесс овладения диалектико-материалистическим методом в новых социальных условиях и, соответственно, подготовку определенных гносеологических предпосылок той теоретической стадии, когда речь будет идти о развитии и в этом смысле "снятии" марксизма. Любопытно подчеркнуть, что догматизм в восприятии и толковании наследия классиков марксизма-ленинизма другой своей стороной имел в той или иной форме постоянные уступки домарксистскому мышлению. Очевидно, что сегодняшний кризис советского марксизма явился завершающей точкой в эволюции некритического догматизма, внутри которого, однако, развились семена нового знания, и они должны теперь прорасти. Любопытно также то, что при всей своей коммунистичности советская философия, особенно в последние годы, не соглашалась считать классическую философию XVII - середины XIX вв. классической *буржуазной* философией, соответственно материализм Л.Фейербаха и других просветителей XVIII в. - классическим буржуазным материализмом, гегелевскую диалектику - классической

буржуазной диалектикой. На самом деле ничего уничижительного в определении "буржуазная", например, для гегелевской диалектики, нет. Всякая философская система, вообще всякое научное знание социально детерминировано и исторически ограничено. С другой стороны, историческая обусловленность знания вовсе не значит, что оно перестанет когда-то быть знанием. Как фрагмент, оно входит в растущую систему науки о мире. В противном случае мы сбиваемся либо на агностицистскую точку зрения, либо на догматическую, сводящую знание к сумме абсолютных, метафизических кирпичиков.

Парадоксально, но факт: сегодня мы по-новому должны осмысливать поворот в философии и в целом в обществоведении, совершенный К.Марксом и Ф.Энгельсом. Единство материализма и диалектики, принципиально отличающее марксистскую философию от всей другой, немарксистской, философии, остается пока во многом вершиной, не покоренной отечественными философами.

Главный вывод, который нам необходимо сделать, состоит в том, что без зрелого овладения марксизмом нельзя показать его ограниченность в свете сегодняшнего дня, нельзя ее преодолеть, Чтобы пойти дальше К.Маркса, надо встать на один уровень с ним. Уже одно это заставит увидеть в марксизме слабости и неполноту, не соответствующие духу марксизма, о котором говорил В.И.Ленин.

Как всегда в развитии науки, пути дальнейшей эволюции Знания при переходе к новой теории намечаются уже в старой теории. В самом классическом марксизме есть перспективные линии, развивая которые только и можно выйти из нынешнего тупика и вывести марксизм на качественно новый уровень, отличающий его и от собственно марксовского, и от ленинского. Скажем о некоторых таких линиях.

Во-первых, совершенно не случайно, что К.Маркс и Ф.Энгельс не оставили после себя развернутой философской системы, ибо они как раз впервые в истории философии выступили против построения абстрактно всеобщих философских систем, которые "работали" бы всегда, везде и при любых условиях. Принцип конкретности - истины, обусловленность ее практикой и материальными условиями применим и к науке о всеобщем, каковой является философия. Сегодня философия должна ответить на этот важный

вопрос: как совместить принцип всеобщности и принцип конкретности. Все философские системы, строившиеся до К.Маркса, страдали "философским недостатком": они пытались вывести некоторые абсолютные, универсально одинаковые законы бытия, которые бы лишь подтверждались новыми формами объективной реальности.

К сожалению, сам К.Маркс не до конца осознавал свое величие в решении данной проблемы. Отсюда его облегченные формулировки о том, что его метод тот же, что и у Г.Гегеля, только "перевернут с головы на ноги". Если бы все было так просто, то и Г.Гегель мог бы оказаться марксистом, а с другой стороны, и К.Маркс не смог бы высвободиться из пут идеализма.

Чтобы извечный антагонизм философии и конкретных наук перестал существовать, каждый из этих противоположных полюсов должен вобрать в себя свою противоположность. Применительно к философии это означает, что само учение о всеобщих законах призвано стать в определенной степени конкретным. Логика системы философского знания, очевидно, должна отражать логику системы конкретных наук, содержащих весь комплекс знаний о мире. Категориальный аппарат любого закона диалектики так или иначе призван выражать все изменения объективной диалектики при переходе от неорганической природы к органической и к обществу. Ильенковское убеждение, что диалектика атома такова же, какова диалектика и клетки, и общественно-экономической формации, является глубоким заблуждением в той части, в какой талантливая идея о конкретном тождестве, содержащем различие, была по-гегелевски абсолютизирована.

Сделать такой вывод заставляет системное изучение логики "Капитала" К.Маркса, произведения, в котором целостное применение диалектико-материалистического метода проявилось с наибольшей силой. Диалектика "Капитала" разноуровневая, она не есть количественно удлиняющаяся антиномия стоимости и потребительной стоимости. Диалектика товара в I отделе, где анализируется *простое* производство и обращение *капиталистического* товара, и где товар представляет собой разлагающееся абстрактное тождество потребительной стоимости и стоимости, сильно отличается от диалектики капитала, когда внутри абстрактного различия потребительной стоимости и стоимости развивается конкретное тождество и различие стоимости в виде

постоянного и переменного капитала. Эти переходы от абстрактного к конкретному, понятия абстрактного тождества и различия, конкретного тождества и различия могут характеризовать только данный тип объективных отношений. Что же касается экономических отношений других экономических формаций, не говоря уже о других формах материи, то должны быть другие диалектические категории, выражающие общую логику данных форм и уровней материи.

К счастью, советская философия уже начала выходить на зрелый марксистский уровень, когда речь идет не о простом догматическом повторении К.Маркса, а о результатах, отсутствующих у самого основоположника диалектического материализма. Я имею в виду труды В.А.Вазюлина, а теперь уже и его учеников.

В.А.Вазюлин впервые в советской философской литературе провел системный диалектико-логический анализ "Капитала", да еще в сравнении с гегелевской "Наукой логики".<sup>4</sup> Его исследование обнаружило качественное различие марксистской и гегелевской диалектики. Логика "Капитала" - это логика конкретного предмета. Соответственно, все особенности системы диалектических категорий определяются особенностями исторического развития исследуемого предмета. Именно В.А.Вазюлин в логике "Капитала" выявил специфическую двухуровневую структуру: самого предмета и его исторической предпосылки, сохраняющейся в зрелом предмете в преобразованном виде. Логика капитала предстает в виде последовательно сменяющихся и противоположных друг другу стадий, какими являются поверхностная, предпосылочная стадия товара и денег как переход к собственно капиталу, стадия сущности изучаемого предмета, каковой является процесс производства прибавочной стоимости, стадия явления предмета, - обращение капитала, и стадия действительности - производство и обращение капитала, взятые в единстве. Причем предпосылка предмета (капитала), то есть простое производство и обращение капиталистического товара, продолжает существовать и в зрелом предмете.

В советской философской и экономической литературе до В.А.Вазюлина считалось, что I отдел, где рассматривается товар и

<sup>4</sup> См.: Вазюлин В.А. Логика "Капитала" К.Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1968.

деньги, играет фактически методическую роль и отражает отношения простого докапиталистического производства и обращения. С этой точки зрения собственно капитализм представал уже настолько зрелой социальной системой, что ее собственная сущность полностью раскрылась и требует перехода в иное качество. Концепция проф. Вазюлина позволяет с принципиально иных позиций взглянуть на "Капитал" и на капитализм. И зрелым капитализм, то есть буржуазное общество, развивающееся на своей собственной основе с середины XIX в., есть *процесс* продолжающегося вытеснения простых некапиталистических отношений, существующих, однако, в рамках капитала.

Что обусловило упрощенное восприятие логики капитала советскими авторами? Очевидно, только одно: наличие в системе общественных отношений советского общества похожих *простых* социальных отношений, являющихся отдаленным аналогом простого производства и обращения капиталистического товара. Такие отношения существовали в условиях громадной доли ручного производства и не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Незрелость материально-технической базы раннего социализма приводила к тому, что с одной стороны, крайне упрощалась диалектика буржуазного общества, предшествующего социализму, с другой стороны, идеалы нового неантагонистического общества навязывались обществу с элементом необоснованной антагонистичности, как если бы речь шла о смене одного антагонистического строя другим. Чрезмерное противопоставление неантагонистической системы капиталистическому обществу, как ни парадоксально, своим основанием и другой стороной имело именно наличие остатков, пережитков старого, которые не были преобразованы капитализмом в нашей стране.

Тем самым, открытие в логике капитала самостоятельного значения его предпосылки, которая одновременно и представляет, и не представляет собой предмет, было выдающимся открытием В.А.Вазюлина, по-марксистски развивающего К.Маркса.

Правда, перед новой советской философской школой, на мой взгляд, встает опасность допустить уступку ильенковскому гегельянскому подходу. Дело в том, что если логику "Капитала" трактовать как универсальную схему развития любого сложного объекта, то встает вопрос: как диалектика соединит в себе момент историзма? С одной стороны, вскрыта логика "Капитала", которая

принципиально уже не вписывается в Абсолют-Триаду Г.Гегеля, с другой, - существует угроза по-ильенковски пытаться придать открытой логической схеме универсальное значение. Равно как в свое время К.Маркс периода 1846 - 1848 годов уже открыл феномен прибавочной стоимости, но толковал его еще с количественных рикард-дианских позиций.

Между тем и поздний К.Маркс так и не построил систему философских категорий, потому что ее нельзя строить вне конкретного материала. Если в рамках одного предмета логика товара и денег принципиально иная, нежели логика собственно капитала, то с переходом к иному предмету качественно изменяется и тип логики. Всеобщая логика, следовательно, - это логика логик, то есть закономерность переходящих друг в друга типов логического развития.

Отсюда следует важнейший в методологическом отношении вывод: логика неантагонистического общества не может совпадать с логикой Капитала. Дискуссии об исходной и основной категориях политэкономии социализма, копирующие метод "Капитала", изначально были обречены на неуспех, так как не принимали во внимание данного обстоятельства. Лишь незрелость нового изучаемого, предмета объясняет попытки старого видения нового предмета.

Здесь уместно подчеркнуть, что неразвитость новой социальной, системы, какой является неантагонистическое общество, обуславливает и то, что процесс зрелого прочтения К.Маркса и его развития носит пока в основном историко-философский и общеполитический характер. Первые важнейшие открытия В.А.Вазюлина сделаны на материале "Капитала", а затем обобщения исторического материала развития человеческого общества.<sup>5</sup> Его ученик Д.Пателис выявил существенные логические закономерности исторического развития классической политэкономии.<sup>6</sup>

Незрелость самой социальной практики до последнего времени оставляла невостребованными достижения В.А.Вазюлина и его учеников. Однако буржуазная Реставрация, закономерно приведшая

<sup>5</sup> См.: Вазюлин В.А. Логика истории: Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во МГУ, 1988.

<sup>6</sup> См.: Пателис Д.С. Философско-методологический анализ становления экономической науки. М., 1991.

страну к хаосу и развалу, неизбежно обострила вопрос об обновлении отечественного обществоведения, и следует в скором времени предполагать постепенный Ренессанс марксистской мысли. Очевидно, переход к зрелому марксизму как типичный признак современного отечественного обществознания совпадет с выходом общества из Реставрации и интенсивным переходом в зрелую фазу, когда социализм будет развиваться на своей собственной основе.

Одна из задач, которая стоит перед вазюлинской философской школой состоит в том, чтобы попытаться объяснить природу случившегося со страной. Чем был 70-летний отрезок социалистической истории, почему он переродился в Реставрацию, к какому новому этапу социалистического строительства мы должны перейти - таковы актуальнейшие и в теоретическом, и в практическом отношении вопросы.

Прежде, чем коснуться их чуть подробнее, подчеркнем другую сторону советского марксизма, обусловившую его сегодняшнюю ревизию. Речь идет о своеобразном толковании материалистического понимания истории советскими философами в прежние годы. Материалистическое решение основного вопроса философии применительно к обществу объяснялось упрощенно и непоследовательно. Первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию понималась либо вещистски, как признание главной роли материальных производительных сил, либо столь гибко и диалектично, что сама эта первичность оказывалась одним из моментов, наряду с активной ролью общественного сознания и духовной сферой общественно жизни. В первом случае материальное сводилось к материальным вещественным элементам производства, а производственные отношения рассматривались как материальные в силу того, что они складывались по поводу материальных предметов. Во втором случае такая упрощенная вещная точка зрения представляется недостаточной, но целостность социума, дополняемая противоположной составляющей, каковой является духовная культура, не становилась от такой диалектичное™ более материальной. И в том, и в другом случае допускалась уступка домарксистской социальной философии, отождествлявшей материальное с предметным, вещественным. Правда, в одном случае уступка делалась на манер метафизического материализма, в другом - в духе домарксистской идеалистической социальной диалектики.

Между тем, марксизм открыл важнейшее положение о материальных общественных отношениях, складывающихся вне и в конечном счете независимо от сознания людей. В нашей философии сохранялось по сути обыденное представление, что если речь идет об общественном отношении, то в нем обязательно присутствует момент сознания. На самом деле, хотя никакая деятельность человека не протекает вне сознательной регуляции, есть такой пласт человеческих отношений, именно материальных общественных отношений, которые не есть сознание и в которых нет сознания как такового, сколько бы люди не влияли, на них. Такое влияние может быть столь велико, что приведет к разрушению всякого производства и всех материальных отношений, но это лишь доказывает, что сознание вынуждено двигаться по логике материального бытия. В противном случае перестает существовать не только социальная материя, но и само сознание.

Впервые зрелое марксистское объяснение материальных общественных отношений в советской философской литературе дано проф. В.А.Вазюлиным в его "Логике истории". Сведение сущности общества к экономическому базису принципиально отличается и от социальной философии 30-50-х годов, когда акцент делался на производительных силах, и от социальной диалектики 60-70-х, когда сущность общества рассматривалась в качестве взаимопротиворечивого единства базиса и надстройки. Впервые рассмотрение материальных общественных отношений как НЕ-сознания открыло колоссальную перспективу для марксистской социальной философии.

Здесь мы имеем еще одну сюжетную линию дальнейшего развития марксизма. К.Маркс, сформулировав материалистическое понимание истории в общем виде, не успел и не смог бы разрешить многие вопросы конкретной взаимообусловленности материального и духовного в разных экономических формациях, в том числе и при капитализме, который он всесторонне исследовал как экономист. Непосредственная вплетенность сознания в материальный процесс - тем более явная, чем менее зрелой является общественно-экономическая формация, - объективно создает основу для проявлений идеалистического понимания истории. Не зная еще о возможности автоматизации производства, К.Маркс неизбежно упрощал диалектику материальных производственных отношений. Как именно и до какой степени, это предстоит исследовать.

Как бы там ни было, из положения о материальности производственных отношений следует, что история не может развиваться субъективно и произвольно. Она, конечно, может делать попятные движения, но лишь потому, что складывается такое соотношение материальных интересов, а не иное. Субъективно ошибочное осознание своих объективных интересов широкими слоями общества может сильно тормозить историю, нанося ущерб интересам большинства этих слоев. Но, во-первых, так не может долго продолжаться, во-вторых, чтобы такое субъективное торможение стало фактом, должны созреть определенные объективные предпосылки, в-третьих, само такое движение истории вспять при ближайшем рассмотрении оказывается моментом виткообразного поступательного движения вперед, имея и определенное положительное значение в разрушении устаревшего социального опыта.

В чем же в таком случае состоят глубинные корни буржуазной Реставрации в экономике, политике и философии советского общества? Прежде всего они в основе своей объективны. Да, была череда предательств со стороны высшего руководства страны, было влияние извне. Однако, то лишь неизбежная внешность, обусловленная кризисной зрелостью раннего социалистического общества во всех сферах, начиная с экономики и кончая философией. Что касается философии, ее кризис был предопределен в значительной степени домарксистским видением К.Маркса. Защита основоположника диалектического материализма с постоянными уступками метафизическому материализму и идеалистической диалектике рано или поздно должна была привести к разложению системы раннего советского марксизма как противоречивого соединения собственно марксистских в своей основе и немарксистских идей. Выход из сложившегося философского тупика лишь один - принципиально новый, сознательно критический, творческий уровень усвоения марксистской методологии. Должна быть написана новая страница в марксизме, новая не только по отношению к Т.Гегелю или И.Канту, но и к самому К.Марксу.

Этот переломный исторический момент напоминает середину XIX века, когда после разложения гегельянства формировался марксизм. Сегодня мы тоже переживаем период перехода от классического советского марксизма к его зрелой стадии творческого отношения к основоположнику учения. Однако, как тогда разло-

жение домарксистской классики дало разветвление марксизма и позитивизма (основной линии немарксистской философии), так и сегодня противоречивое соединение собственно марксистских и домарксистских идей в классическом советском марксизме рождает две линии: марксистскую и позитивистскую, не считая проявлений иррационалистического мировоззрения. Так как всякая аналогия хромает, то сегодня речь идет о новой форме марксизма, соответственно и о другом позитивизме. Остается надеяться, что основной ветвью дальнейшего развития отечественной философии станет именно марксистская, что не исключает совсем позитивистской, а сделает ее максимально адаптированной к новым социальным условиям.

Дальнейшая судьба отечественной философии будет predeterminedена развитием самого общества. Чтобы ответить на вопрос, в какую сторону оно дальше будет идти, надо объяснить, чем вызван сегодняшний кризис, и что такое "ранний социализм". Каждый из этапов советской философии, о которых велась речь выше, характеризовался еще и определенной абсолютизацией достигнутого обществом уровня, будь то построение основ социализма, или полная и окончательная его победа, или развитой социализм. Такая абсолютизация вовсе не лежит в природе неантагонистического общества, открытого вовне, и свидетельствует о том, что ранее социалистическое общество развивалось на неадекватной ему материально-технической, а, следовательно, и политической и духовной базе. Шло становление социалистического общества, когда можно сказать, что оно уже есть и его еще нет одновременно. Экономическое обобществление производства предполагает его развитый технологический уровень. Громадная доля ручного производства не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности свидетельствовала о том, что как раз развитой технологической основы производства не было. Это предопределило формальность раннего социализма, когда провозглашаемые им принципы оставались в определенной степени декларациями, не реализованными на практике, а иногда приводили к прямо противоположным результатам. Плановость экономики вырождалась в административную командность, и для обывательского сознания эти два понятия и сегодня тождественны. Товарность же, сменившая командную экономику, будь то времена НЭПа или горбачевской "перестройки", была лишь другой стороной этой командности, когда действовал принцип не кнута, но пряника, выполнявший ту же роль внешнего

подгоняющего стимула. Внешнее командное обобществление неизбежно дополнялось специфическим принуждением к труду. Такое принуждение, конечно, не тождественно ни внеэкономическому принуждению докапиталистических формаций, ни экономическому принуждению капитала. То было специфически советское принуждение к труду, которое существовало пропорционально величине технологической и экономической раздробленности производства и впервые преследовало общественный интерес как приоритетный.

В этом состояла глубинная антиномичность раннего социалистического общества. Общественный интерес реализовывался в том числе и внешним принуждением к труду. С одной стороны, общность экономических интересов, с другой, - методы достижения ее, сближающие ранний социализм с предшествующей историей. Не развитая экономическая общность рождала ограниченную экономическую политику.

При этом следует подчеркнуть принципиальную общность основ сталинского и горбачевского периода становящегося социализма при всей их внешней противоположности. Горбачевская "перестройка" через ряд промежуточных ступеней вроде хрущевской "оттепели" и брежневского "застоя" *закономерно* родилась из сталинского "победившего социализма", при всем при том, что в 30 - 40-е годы советское общество штурмом взяло такие две великие высоты как утверждение первых основ социалистического общества и победа над фашизмом, а в 90-е позорно предало свои идеалы. Закономерность смены одним другим была предопределена ограниченностью самой административной модели плановой экономики. В трудные годы становления советского хозяйства, послевоенного восстановления жесткая административная система была неизбежна как единственно возможная, и как позволявшая концентрировать материальные и людские ресурсы на важнейших направлениях технологического и социального прогресса. Трагедия репрессий была трагедией первого незрелого, наивного, внешнего, административного осознания обществом приоритетности общественного интереса в условиях сильной экономической и социальной распыленности. Чем стабильнее становилась система, чем больше уходили в прошлое экстремальные условия, тем менее срабатывала заинтересованность общества в жестком госадминистративном выраже-

нии общественного интереса. Приходилось искать окольные, рыночные пути достижения тех же целей. На смену командности пришла политика бонапартистского лавирования и заигрывания с противоположными тенденциями и силами, стоявшими за ними. В отличие от НЭПа, когда судьба революции еще висела на волоске, и государство не могло выпустить бразды правления из рук, "перестройка", венчавшая ранний социализм, независимо от того, кто и как осознал и осознает ее, привела в итоге к тому, что разом покончила со всем формализмом раннего социализма. Попытка горе-реформаторов подменить, 70-летний формализм нарождающегося социалистического общества неизмеримо более жестким, как оказалось, формализмом капитала - это лишь то, что на поверхности казалось и хотелось зарвавшимся чинушам и новым выскочкам. На самом же деле даже в разрушительном процессе советской государственности виден след "крота истории". Неадекватно, в страшных муках, в псевдоодеяниях и с псевдоатрибутикой, происходит труднейший переход от ранней стадии социализма к начальной фазе его существования на собственной основе. Кто убежден, что репрессии были случайностью в нашей советской истории, кто полагает, что гигантский план строительства коммунизма к 80-му году не имеет связи с идеей скачка в развитую цивилизацию, кто убежден, что никакого "застоя" у нас не было - те пусть думают, что происшедшее со страной есть страшный сон, есть преступление, не известное историей до сих пор. Пусть они так думают, тем более, что не все в их переживаниях неправда. Истина, однако, глубже.

Наработанный потенциал раннего социалистического общества был уже столь велик, что оно позволило себе роскошь свободного самоопределения и, тем самым, более зрелого переосмысления истории с 1917 г. Более того, то, что в хрущевские времена отодвигали на 20-летие вперед, теперь попытались реализовать все и сразу. И даже поменяв государственные флаги, не поменяли всех государственных праздников, поскольку пребывали в преступной наивности, полагая, что можно соединить частную собственность с социальной справедливостью и благополучием.

Конечно, историческую спираль нельзя искусственно спрямлять. Предательство есть предательство, Реставрация есть изменение государственного строя на исторически отживший. Если не остановить этот процесс, он может привести к жертвам неизмеримо более

масштабным, чем гражданская война и все репрессии вместе взятые. К счастью, всякая Реставрация нелепа, ибо нельзя повернуть историю вспять, общество не может отказаться от открытых повои социальной системой горизонтов в экономической и духовной жизни. Так было всегда. Нелепость любой Реставрации в том, что она хотела бы вернуть старое, оставив плоды нового. Поэтому делая шаг назад, она никогда не решается сделать еще один. Она застревает в противоречиях и, осмеянная современниками, позорно покидает историческую сцену. Такая судьба уготована нашей русской демократии 90-х годов.

Говоря об общности горбачевского и сталинского периодов советской истории, нельзя не сказать о некоторых общих социально-политических аспектах, пронизывающих советский марксизм все эти годы и вытекающих, между прочим, из слабостей классического марксизма-ленинизма. Одним из краеугольных камней марксизма является учение о диктатуре пролетариата как классовой форме пролетарского государства. В 20-е годы тезис о диктатуре пролетариата не подвергался сомнению. В сталинские времена он тоже сохранил силу и даже был дополнен положением об обострении классовой борьбы. Однако с построением основ социализма положение о диктатуре пролетариата постепенно начало отходить на второй план, пока совсем не выродилось в тезис об общенародном государстве, а тот в свою очередь - в заурядную либеральную идею о правовом государстве. При всей противоположности трактовок государства на разных этапах социалистического строительства, они имеют одну основу.

Диктатура пролетариата, если и признавалась советскими теоретиками, понималась только как классовая организация социалистического государства трудящихся в отношении всех враждебных социализму элементов, доставшихся ему в основном от старого общества. Такой взгляд восходит к классикам. И К.Маркс с Ф.Энгельсом, и даже В.И.Ленин не могли представить всей сложности социалистического строительства в социально неоднородном обществе. Социализм как первая фаза коммунистического общества рисовалась ими как фактически бесклассовое общество с постепенным отмиранием государства. Диктатура государства рассматривалась как пролетарская государственность для классового подавления всех инородных новому обществу элементов. Конечно, если бы классики узнали, что социалисти-

ческие теоретики заговорили об "общенародном государстве", им стало бы не по себе от такой социалистичности. Тем не менее именно неразработанность проблемы в классическом марксизме сменилась упрощенным подходом в советском обществоведении, переросшим в плоский вульгарный взгляд новоявленных советских либералов.

Эта слабость советской социальной науки сделала мировоззрение общества фактически безоружным и неготовым к обострению социальных противоречий. Между тем уже логика понятия "общенародное государство" должна была настораживать. Либо государственность отмирает, если отмирают классы, либо государственность существует, тогда это свидетельствует о социальной неоднородности, и речь должна идти об определенной классовой форме государства. Если классики упрощенно представляли себе будущее социалистического общества, потому что просто не имели перед глазами нового социального опыта, то современные теоретики как раз напротив, обобщая новый социальный опыт, изменили самой логике марксизма в той степени, в какой затушевывали классовую природу государства.

Одним из печальных, но глубоких уроков "перестройки", переросшей в Реставрацию, должно стать понимание того, что общество раннего социализма постигла столь печальная участь, потому что, оставаясь социалистическим, оно совершило грех всех прежних антагонистических систем, абсолютизируя в тезисе об "общенародном государстве" самое себя. Развитие учения К.Маркса в данном случае было отступлением от него. Действительным же развитием, как представляется, будет понимание социалистической государственности как диктатуры пролетариата, то есть классовой формы пролетарского государства. Практика показала, что социализм способен внутри себя воспроизводить элементы отношений, враждебных его собственной природе. Именно поэтому государство диктатуры пролетариата не есть подавление только тех элементов, которые остались от старого общества, именно поэтому же речь должна идти об укреплении государства трудящихся. Пролетарская государственность представляет собой внутреннюю политическую организацию самого общества трудящихся, которое в себе еще достаточно незрело, а потому производит рецидивы мелкобуржуазности и просто буржуазности, а потому требует соответствующей поли-

тической организации с позиций господствующего класса, интересы которого совпадают с прогрессивной направленностью развития общества.

В связи с этим предстоит провести большую работу, переосмыслить ленинское наследие по проблемам качественной новизны советского типа государственности. Необходимо по-новому показать, либерально-буржуазную сущность принципа разделения властей, обернувшегося применительно к современной России страшным бюрократическим произволом.

За упрощенными трактовками государства в советской марксистской литературе стояли упрощенные концепции классов применительно к социализму. В 70 - 80-е годы появились подходы, в рамках которых доказывалось уже существующее фактическое отсутствие классов при социализме. При этом классическое марксистское положение, увязывающее классовость с неодинаковым отношением к средствам производства, игнорировалось. Вместо творческого развития учения К.Маркса, показывающего ограниченность его воззрений на процесс социалистического строительства, произошел отказ от фундаментального положения его учения, органически связанного с материалистическим пониманием истории. Причем, даже в концепциях тех советских авторов, в которых классы признавались существующими в советском обществе, их дружелюбность и в целом социальная однородность настолько преувеличивалась, что при всем ренегатстве нынешних фальсификаторов К.Маркса, нынешняя концепция социальной стратификации, выдвинувшаяся на демократической волне в обществоведении, явилась достаточно закономерным явлением.

Понятие бесклассового общества как одно из центральных в марксизме нуждается в существенном углублении. Оно, очевидно, должно обозначать не просто состояние отсутствия антагонистических социальных групп. Речь идет об отсутствии вообще экономических различий в отношении собственности на средства производства между разными социальными группами.

Как только в обществе будет восстановлена на принципиально иных, с точки зрения добровольности, основах социалистическая направленность развития, и оно займется поисками новых перспектив экономики "по труду", управления на принципе подлинного народовластия, гуманизма, пропитанного социальной справедливостью и человеколюбием, так сразу будет восстановлена

марксистская ориентация исследований. Вступление социалистического общества в фазу развития на адекватной ему основе реального обобществления станет базой для раскрытия глубинных диалектических основ первой фазы коммунистической (формации). Четче станут контуры и самого коммунизма. Нерешенность проблемы основного противоречия социализма была как раз и обусловлена тем, что он не выявил до конца своей внутренней природы, как не выявил своей природы капитализм в период до завершения промышленного переворота. Если проводить аналогии с феодальной Реставрацией и историей классического капитализма дальше, то, как известно, первые зрелые произведения марксизма появились с полным вытеснением Реставрации. Вслед за революцией 1830 года во Франции понадобилась революция 1848 года, чтобы очистить почву для свободного развития капитализма. Сегодня мы не перешли еще и рубежа своего 1830 года, не говоря уже о полном восстановлении социалистической направленности развития. Несмотря на это, в условиях неантагонистического общества относительная самостоятельность духовных процессов возросла, и неудивительно, что зрелые интерпретации марксизма, соответствующие качественно новому этапу социалистического строительства уже появились в отечественной философской литературе.

Все это говорит о том, что впереди нас ждет ренессанс марксизма, которое должно выйти на уровень критического и творческого отношения к наследию основоположников диалектического материализма.

Творческое отношение должно проявиться и в толковании экономических проблем. Упрощенное свертывание товарного производства в 40 - 50-е годы свидетельствует об упрощенном понимании диалектики товара и капитала, о чем частично говорилось выше. Недооценка зародышевости капитала в самом товаре и, в то же время, неэквивалентности товара и капитала обуславливала либо одну, либо другую крайности в теории и практике социально-экономических отношений. Общество стоит перед задачей восстановления планового ведения народного хозяйства, использующего и товарно-рыночные рычаги. В чем состоит принципиальное различие между административной, централизованной экономикой времен 30 - 50-х годов и собственно социалистической плановой экономикой - это задача новых

экономических исследований, которые сегодня крайне затруднены, если вообще возможны, потому что отсутствует соответствующая экономическая практика, а следовательно, и почва для теоретических поисков и обобщений. Однако и сегодня осмысление ограниченности, неполноты и, в то же время, внутренних перспектив существовавших ранее экономических отношений в стране может дать интересные результаты. Конечно, процесс бездумного перенимания западных экономических курсов в духе вульгарной политэкономии разрушительно воздействует на традицию советской экономической мысли. Однако, чем дальше заходит данный процесс, тем очевиднее становится для все большего числа серьезных экономистов непривычная поверхностность и апологетичность западной экономической мысли, не удовлетворяющей запросам нашей социальной действительности.

Реставрация нелепа и нежизненна не только в практике общественной жизни, но и в развитии теоретического знания. Грубое преревание советской марксистской традиции оказывает разрушительное влияние на всю духовную культуру общества. Отказаться от нее значило бы отказаться от достижений А.М.Деборина и А.А.Варьяша, М.М.Розенталя и Э.В.Ильенкова и многих других, чьи исследования закономерно подвели к появлению вазюлинской школы. Не только к появлению ее, - она уже сегодня определяет главное направление в критически-творческом возврате назад к Марксу. Точнее, вперед к Марксу, поскольку зрелое овладение марксистским методом естественно выводит на уровень развития теории и преодоления ограниченности классика. "Вперед, к Марксу!" - таков, стало быть, теоретический лозунг сегодняшнего дня.

#### Библиографический листок

*Вазюлин В.А.* "Наш человек мертв. Он кукла."//Трудовая Россия. 1995. N11.

*Δαφέρμος Μ., Πατέλης Δ.* Περεστρόικα: αντιφάσεις και δυνατότητες// Διαλεκτική. 1990. N 1.

*(Δαφέρμος Μ., Πατέλης Δ.* Перестройка: противоречия и возможности//Диалектики. 1990. N 1. (Греч.))

*Δαφέρμος Μ.* Σχεδιασμός και αγορά: Εξέλιξη των απόψεων στην Σοβιετική Ένωση//Диалекτική. 1990. N4.

- (Дафермос Μ. Πλαν и рынок: развитие взглядов в СССР// Диалектики. 1990. Ν 4. (Греч.))*
- Дафермос Μ. Πραва человека: миф и реальность//Этика прав человека. Москва - Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического института, 1994. С. 144-147.*
- Дафермос Μ. Человечество и космос//Тезисы научной конференции. Двадцатые Гагаринские чтения. Μ., 1994. С. 111-112.*
- Даферμος Μ., Παυλίδης Π., Πατελης Δ. Σοσιαλισμός, κομμουνισμός και αντεπανασταση//Διεθνές Περισκόπιο. 1994. Γενάρης - Φλεβάρης. (Дафермос Μ., Παυλιδис Π., Πατελις Δ. Социализм, κομμουνизм и контрреволюция//Диэтнес перископио. 1994. Январь-февраль.)*
- Даферμος Μ., Ραφικ Σ. Επιστήμη και ανθρωπισμος//Αριστερη Ανασύνταξη. 1995. Ν 6. (Дафермос Μ., Ραφικ С. Наука и гуманизм//Αριστερι ανασинтакси. 1995. Ν6. (Греч.))*
- Εφανοβα Ο. Κριτική στα προγράμματα των αριστερών κομμάτων της Ρωσιας//Νεα προοπτική. 1993. 17 Ιουλ. Ν 82. Επίσης. Διεθνές Περισκόπιο. 1993. Ν 7.*
- (Ефанова Ο. Критика программ левых партий России//Неа прооптики. 1993.17 июля. Ν 82.; Το же. Диэтнес перископио. 1993. Ν 7. (Греч.))*